

Марк Крейн, Леонид Гроссман

Воин-математик

Витольд Львович Шмульян

В тяжелые годы Великой Отечественной войны многие советские ученые-математики ушли в действующую армию. Вот что писал мне с фронта один из них, Витольд Львович Шмульян, летом 1942 года:

«Пишу это письмо на верхушке церкви. Здесь я веду наблюдение за расположением немецких войск. Утром до обеда я был на другом наблюдательном пункте и тоже определял координаты целей...»

Кончалось оно не совсем обычно:

«Скоро пришлю Вам письмо с сообщением моих последних результатов».

Разумеется, имелись в виду результаты математических исследований, которые В.Л. Шмульян непрерывно вел на фронте в период относительного затишья.

16 июня 1943 г. А.Н. Колмогоров, выступая в радиопередаче об ученых, находящихся на фронте, отметил непрекращающуюся научную деятельность Витольда Львовича. Кстати, последняя из опубликованных работ В.Л. Шмульяна была подготовлена к печати также А.Н. Колмогоровым, когда ее автора уже не было в живых.

Докторант Математического института им. В.А. Стеклова Витольд Львович Шмульян вместе с группой сотрудников института в начале войны ушел в одну из московских дивизий народного ополчения и проделал с ней большой боевой путь от Москвы до стен Варшавы. 29 августа 1944 г. ему ис-

полнилось бы 30 лет, но за несколько дней до того он пал смертью храбрых и похоронен в Праге, предместье Варшавы. В боях за город Севск в 1943 г. В.Л. Шмульян был награжден медалью «За отвагу», а в 1944 г. за участие в Ковельской операции – орденом Отечественной войны II степени. В наградных листах отмечается, что «лейтенант Шмульян, несмотря на обстрел и бомбардировку вражеской авиации, всегда вовремя производил привязку боевых порядков дивизиона и организацию засечек целей...». «В боях за г. Ковель с 7 июля лейтенант Шмульян обеспечил точную привязку боевого порядка дивизиона и засечку целей. По его данным... уничтожено два орудия ПТО, семь станковых и ручных пулеметов, разрушено один НП и два дзота, подавлен огонь двух минометных батарей противника».

Из фронтовых писем В.Л. Шмульяна, а также из воспоминаний его однополчанина подполковника Г.П. Тарасова возникает живой облик советского патриота, воина-математика. Неуемная жажда знаний, которой он всегда отличался, в армии приобрела еще более глубокий и широкий характер. До армии страстная увлеченность математикой создавала впечатление о нем как о человеке, отрешенном от «суеты мирской». Артиллерист В.Л. Шмульян, став командиром взвода артдивизиона, очень скоро завоевал авторитет у своего командования и подчиненных. Он изучил специальную геодезическую литературу (письма с фронта пестрят просьбами о присылке все новых и новых книг в этой области) и поставил всю топоразведку на серьезную научную основу. Как офицер-воспитатель он обучил этому делу и своих подчиненных. В условиях фронтовой обстановки он читает своим товарищам офицерам лекции по теории вероятностей. В.Л. Шмульян вносит, и командование принимает ряд его ценных предложений по вопросам маскировки, устройства ложных огневых позиций и т. п.

В обширной переписке, которую В.Л. Шмульян ведет со своими друзьями, родственниками, сотрудниками, он неустанно повторяет и напоминает, какую радость доставляют ему прочитанные на фронте книги и какой голод на них он испытывает.

Мы узнаем, что он перечитал все сочинения Тургенева, рассказы Чехова и Горького, стихи Лермонтова и Некрасова, проглотил книгу по истории Средних веков и по истории первой империалистической войны на Ближнем Востоке. Случайно в его руки попадает самоучитель французского языка (он свободно читал научную литературу на немецком и английском), и он его штудирует от доски до доски. При этом он сохраняет страстную любовь к математике. В письмах ко мне В.Л. Шмульян спрашивает о новых результатах своих коллег, просит присылать новые книги и монографии по математике. Весной 1942 г. я отправил ему незадолго перед тем вышедшую нашу с Ф.Р. Гантмахером книгу «Осцилляционные матрицы и малые колебания механических систем». Вряд ли в мирное время В.Л. Шмульян стал бы прорабатывать книгу, столь далекую от его научных интересов. Через некоторое время мы узнали, что он изучил ее от начала до конца. Мало того, он прислал длинный список необходимых исправлений и уточнений, которые впоследствии были использованы при подготовке второго издания книги в 1950 г.

Студенческие годы В.Л. Шмульяна совпали с периодом восстановления Одесского государственного университета на базе бывшего Института народного образования и Физико-химико-математического института. Когда я познакомился с В.Л. Шмульяном в 1934 году, он уже был наиболее сильным студентом на своем курсе со сложившимися интересами в области теории мер и интеграла, далеко выходящими за рамки официальной программы. При поступлении в аспирантуру в 1936 году он представил работу по абстрактному интегралу Фреше, в которой было дано подробное доказательство одного из основных результатов этой теории, сообщенного самим Фреше без доказательства.

В 1936/37 учебном году я начал читать факультативный курс по теории линейных операторов в банаховых пространствах, в котором впервые изложил элементы теории конусов. Одновременно я переключил свой семинар по теории интегральных уравнений на изучение геометрии банаховых пространств. Одним из наиболее активных участников этого семинара был

В.Л. Шмульян. Он сразу увлекся вопросами геометрии банаховой сферы, а затем и общими вопросами геометрии выпуклых и регулярно выпуклых множеств в банаховых и сопряженных к ним пространствах. В этой области им был получен ряд тонких результатов, которые затем продолжались и обобщались советскими и иностранными математиками вплоть до самых последних лет.

Из участников нашего семинара В.Л. Шмульян был единственным, который почувствовал новые возможности общей теории линейных топологических пространств и посвятил этому ряд важных исследований. За короткий срок с 1937 по 1941 годы им было опубликовано около 20 работ. Как уже отмечалось, на фронте Витольд Львович не прекращал своих исследований, оформляя их результаты в виде статей и писем, которые он отправлял в Институт им. В.А. Стеклова. Часть из них была опубликована в годы войны в «Докладах АН СССР» и «Математическом сборнике». Другая часть осталась в рукописях (12 статей и ряд писем), и все же Витольду Львовичу, по-видимому, не удалось отразить в этих материалах все свои замыслы и начинания. Об этом можно судить хотя бы по такому высказыванию в одном из писем: «Обратили ли Вы внимание на то, что мои последние результаты хотя и носят прежний абстрактный характер, но направлены к изучению конкретных вещей (теорема Бохнера, теоремы Tauber'a)?..». К сожалению, не удалось установить, что В.Л. Шмульян имел здесь в виду.

С фронтовой фотографии на нас глядит лицо человека с задорными веселыми огоньками в глазах. Вместе с тем он вполне понимал всю тяжесть происходящей исторической битвы и допускал, что он не будет «...иметь возможности заниматься математикой... Хотелось бы, чтобы этими вопросами занялся кто-нибудь иной. Было бы очень жалко, если бы мои начинания остановились».

Начинания Витольда Львовича не остановились. Они получили развитие в трудах нового поколения математиков, а память о талантливом математике и прекрасном человеке живет в сердцах его друзей.

Марк Крейн

* * *

Математической классикой сразу стали теорема Крейна-Шмульяна о конусах Крейна и теоремы Шмульяна и Крейна-Шмульяна о слабых топологиях в банаховом пространстве. Все эти результаты приведены Математической энциклопедией, и, исходя из работ наших математиков, их американские коллеги ввели новый важный класс линейных топологических пространств, названных ими пространствами Крейна-Шмульяна. Этот факт также указан Математической энциклопедией. В классический курс одного из основателей функционального анализа, великого поляка из Львова Стефана Банаха, редактировавший его украинский перевод знаменитый ученый Н.Н. Боголюбов включил три результата В.Л. Шмульяна и еще три совместных результата Шмульяна и его жены Веры Рувимовны Гантмахер. Шмульяну удавалось придать строго логическую форму «безумным» на вид математическим идеям другого ученика Крейна – Д.П. Мильмана. Впоследствии Крейн сетовал на то, что тандем «Д. Мильман – В. Шмульян» распался вследствие гибели последнего.

Вера Гантмахер по семейным обстоятельствам не смогла в 1941 году покинуть Одессу и была в феврале 1942 года убита гитлеровцами. Основным, притом ярким оппонентом В. Шмульяна в математике был его ближайший друг и сокурсник Михаил Лемер.

По словам одесского педагога В.Г. Рубинштейна, знакомство Крейна со своим будущим любимым учеником В. Шмульяном произошло задолго до 1934 года: молодой ученый увидел подростка, сидящего над томом «Капитала» и, как Крейн выяснил, кое-что в прочитанном понимающего.

Любопытен еще один связанный с В. Шмульяном эпизод: Шмульян вместе с женой летом 1937 года привезли к своему учителю на дачу 17-й (!) вариант своей первой совместной работы; Крейн, видя, как пот струится по щекам учеников, еще не умеющих доступно излагать свои мысли, сжалился над ними и сам подготовил к печати их работу.

Сестра В. Шмульяна Алла рассказывала, как, пытаясь отвлечь брата от математики, повела его в кинотеатр. «Посреди сеанса Толя вскочил с места: ему пришла в голову интересная математи-

ческая идея. В другой раз, когда Толя, заговорив с Лемером, заставил жену ожидать его свыше получаса, та сказала в сердцах подруге: «Он забыл, что у него есть жена». Как справедливо считал один из учителей В. Шмульяна М.Н. Бобынин, держать Шмульяна на передовой – преступление. Другой его учитель, профессор Б.Я. Левин, вспоминал Шмульяна вечно спешившим, будто чувствующим, как короток отведенный ему век. Профессор В.И. Реут вспоминал, что Шмульян давал толковые консультации по читавшемуся Крейном курсу теории функции комплексной переменной для инженеров. Сам же Шмульян читал сумбурно (сам себя перебивал).

В октябре 1942 года командир Шмульяна Г.П. Тарасов отпустил Витольда в двухнедельный отпуск к родным. При этом Шмульян заехал к своему учителю. Эта их встреча стала последней... Пометка «действующая армия» вместо названия учреждения, в котором выполнена работа, в статьях Шмульяна, не имеет precedентов. Второе издание известной книги М.Г. Крейна и Ф.Р. Гантмахера, полностью переработанной Шмульяном, по сути, посвящена его памяти.

...Родился Витольд Шмульян в Херсоне, где его мать, коренная херсонка Изабелла Соломоновна Левицкая, находилась у своих родителей. Вся же его жизнь протекала в Одессе на Нежинской, 42, в родительской квартире. Шмульян-старший сумел еще при царе окончить юрфак и служил помощником присяжного поверенного, а после революции – адвокатом и преподавателем Инархоза, после же ликвидации последнего – в юридической школе. В 1938 году на лекции, посвященной значению сталинской Конституции, собирався сказать слушателям, что отныне все их речи в суде должны быть пронизаны ее духом, но оговорился и вместо «пронизаны духом» сказал: «пропитаны ядом», тут же на лекции он был арестован. Вина его была столь очевидной, что почти все адвокаты города отказались его защищать на будущем показательном процессе. Единственным юристом, согласившимся защищать Шмульяна-старшего, стал известный адвокат П.П. Полищук. Ему удалось «выбить» у суда минимальное в тех условиях возможное наказание – 6 лет ИТЛ. Он был здоровяком и отработал на лесоповале все эти годы,

в 1943 году ему разрешили встретиться с дочерью, которая приехала к нему в лагерь, и он знакомил ее с сокамерниками: «Рабинович – японский шпион, Исакович – китайский шпион» и т. д. Когда срок заключения истек, Лев Юльевич не вернулся домой: якобы «скончался от дизентерии»... Его же вдова писала стихи о Ленине и о партии и однажды даже была напечатана в «Правде». Старший брат Витольда, Теодор, инженер-котельщик, был международным мастером по стеклоточным шашкам, в 1948 году стал чемпионом СССР. Во второй половине 1970-х годов близкие Витольда выехали в США на ПМЖ.

Леонид Гроссман

